

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ В.И. ДАЛЯ И И.И. НОСОВИЧА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭПОХИ

В статье анализируются национальные, а точнее, *нациообразующие* словари русского и белорусского языков: «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (1-4 тт., 1863-1866) и «Словарь белорусского наречия» И.И. Носовича (Санкт-Петербург, 1870 г.). Хотя эти лексикографические источники отличны и хронологически, и количественно, считаем необходимым обратить внимание на их общий нациообразующий характер, поскольку оба включают в свой реестровый материал как раз такие лексические единицы, которые указывают на психологическое и культурное единство носителей их языков на разных этапах исторического развития наций (т.е. на устойчивые связи и отношения людей внутри социальной группы, что выражает их этничность) – пословицы, поговорки, этностереотипы, сведения об обычаях и обрядах.

При этом необходимо учитывать, что этничность не является стабильной и неизменной единицей: «в разные исторические эпохи, у разных народов и в разных регионах этничность имела различные формы проявления, испытывала на себе воздействие изоляционистских, интеграционных и иных тенденций» [1, с. 110]. Влияние этих тенденций также можно считать этноконсолидирующим фактором наравне с другими условиями становления этноса, а именно психологическим и культурным единством – устойчивыми связями и отношениями людей внутри социальной группы, которые составляют национальное самосознание нации.

Поэтому необходимо указать на тот общеевропейский социально-исторический контекст, в рамках которого создавались оба словаря, как и вообще работы такого уровня и значения. Вторая половина XVIII и начало XIX вв. – это эпоха Просвещения в Южной и Восточной Европе (во Франции, Англии и Западной Европе в целом – это середина и вторая половина XVIII в.) [2, с. 3]. Для этой эпохи характерны следующие социальные тенденции: идеалистические представления о роли сознания в развитии общества, желание объяснить общественные недостатки необразованностью людей, стремление к переустройству общества, политики, нравов, быта путём распространения научного знания, идей доброты и справедливости, что приводило к созданию единых систем образования, распространению науки и искусства [2, с. 3-4].

Вторая половина XIX – начало XX вв. хронологически ещё относятся к Просвещению, однако именно тогда возникают концепции И. Гердера и В. фон Гумбольдта, которые часто квалифицируются как романтизм, поскольку оба философа стали говорить о «духе» отдельных народов. Сфера языка и речи выдвинулась на приоритетные позиции среди гуманитарных исследований того времени, и В. фон Гумбольдт предложил идею о том, что язык играет значительно большую роль, чем просто система знаков для механической передачи информации. Языки национальны и отличны друг от друга, поэтому нужно говорить о неповторимой специфике национальных характеров, которые выражаются в истории и продуктах духовной жизни [3, с. 59].

Волна славянского романтизма приблизилась и к восточным славянским народам. Особенно это проявилось в 1840-х гг. и в к. 1860-х гг. при подготовке к I славянскому съезду в России, когда возродилась идея общеславянского языка, под которым понималась, кроме старой книжной речи, и современная речь, то общее, что свойственно многим живым славянским языкам, что пронёс каждый славянский язык через средневековье.

Вообще на протяжении этого периода взаимоотношения славистов развивались в сложной политической обстановке. К примеру, в российских общественных кругах возникли полонофобные настроения, связанные с повстанческими событиями 1830-х гг., а вот южные

и западные славянские народы, наоборот, надеялись на поддержку России в их борьбе против Турции и Австро-Венгрии.

Таким образом, славистические связи являлись не только формой научных контактов, но и формой содействия национально-освободительному движению 60-х гг. XIX в. Петербургская Академия наук и вообще российские исследователи проблем изучения славянства поддерживали шаги славянских учёных. Примером такого, если можно так сказать, этнического дискурса, популярного в те годы, можно считать высказывание И.И. Срезневского (1842 г.): «Мы, кто бы мы ни были, русские или поляки, мы должны любить и уважать других славян, как наших братьев. Мы должны любить славянство во всём его объёме, потому что мы славяне; без этого мы не можем иметь истинной любви, истинного уважения к самим себе; это долг нравственности, прямой наш человеческий долг, долг любви родного к родному, брата к брату» [цит. по: 4, с. 143].

В первой половине XIX в. обострённые национальные чувства в южнославянских землях вызвали подлинный взрыв общественного интереса к фольклору. Особенностью отношения к фольклору славянских деятелей было и то, что они имели в поле зрения не только отечественный, но и весь славянский фольклор. Это было связано с широким распространением в то время идеи славянской взаимности. В консервативной среде фольклор воспринимался и использовался как свидетельство феодальной старины, подтверждение её незыблемости, как материал для мистических воззрений. С формированием национальных культур изменился характер взаимодействия профессионального творчества и фольклора. Связи между ними не только расширились, но обращение деятелей культуры к народному творчеству стало осознанным и целенаправленным.

Интерес учёных к национальной культуре, «связанный вначале с идеями романтизма и углубленный вместе с развитием этнографии, диалектологии и фольклора и других смежных наук» [5, с. 10], обусловил этнолингвистическое содержание целого ряда словарей общенационального масштаба. Каждый из этих словарей отражал картины материального быта и духовной культуры своего народа, однако следует учитывать и отличия в этих трудах, обусловленные «философией и стилем эпохи, в которой происходил процесс создания нации, спецификой социальной структуры общества этой нации, своеобразием системы образования на разных этапах исторического развития» [6, с. 26], иначе говоря, особенностями историко-культурного процесса в стране.

В русской лексикографической традиции таким словарём можно считать «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (1-4 тт., 1863-1866, более 200 тыс. слов), который содержит «лексическое богатство русского языка во всех разновидностях его устной (народно-разговорной, профессиональной, жаргонной, диалектной, литературно-разговорной и т.п.) и письменной (книжно-литературной) речи» [7, с. 179]. Это было собрание русской лексики, преимущественно диалектов и профессиональных жаргонов, собранное энтузиастом-самоучкой, который неоднократно призывал писать как говорим, не проповедовать грамоты как спасения, призывал к полному избавлению русского языка от заимствований. Словарь содержит некоторое количество неточного материала (окказиональных слов), иногда грешит против грамматики, но парадоксально точно передаёт как языковые реалии XIX века, так и выразительность существующих и по сей день говоров.

Хотя работа В.И. Даля по сбору русской лексики велась им самостоятельно, всё же она координировалась «Обществом любителей российской словесности» – литературно-научным обществом при Московском университете, которое существовало с 1811 по 1930 гг. (с перерывом в 1837-1858 гг.; возрождено в 1992 г.). В центре внимания общества, членами которого являлись А.Х. Востоков, Я.К. Грот, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, писатели, фольклористы, историки, деятели театра, композиторы и многие образованные люди, были вопросы нормализации русского языка, вопросы культуры речи и путей развития русского литературного языка. Поэтому можно считать, что проблемы компромиссного объединения в одном словаре общепринятой лексики литературного языка и лексики живых носителей

разных губерний России рассматривались широкими российскими общественными и научными кругами и отражали культурно-исторические и социальные требования времени.

В своём труде В.И. Даль представил народную лексику в тесной связи с её фольклорно-этнографической основой: в словаре нашли отражение оригинальные словесные клише, пословицы, поговорки, загадки, а также заговоры, суеверия, обычаи и народная мифология. Стремление автора привлечь внимание общественности к живому русскому слову и его фольклорно-этнографическим истокам, показать «русский дух» определило этнолингвистический подход в словаре, в соответствии с которым В.И. Даль предлагает этнографические комментарии к словарным статьям, среди реестровых единиц словаря значительную часть составляют лексемы – термины традиционной духовной культуры.

Именно народная основа далевского труда стала причиной наличия в реестре обозначений людей по признаку «свой – чужой» не в официальной, а в фольклорно-разговорной "версии". Например, люди неправославного вероисповедания называются **басурман**, бусурман, босурман, бесермен <...> неверный, нехристианин; особ. мусульманин, а иногда всякий неправославный; всякий иноземец и иноверец, в неприязненном значении, особенно азиятец или турок; **иной** <...> Иноверный, к иноверию относящ., принадлежащий. Иноверец м. -верка ж. кто исповедует иную, различную с кем или негосподствующую в государстве веру <...> Инославный, противополож. православный, иноверный, иноверческий; **немой**, <...> не говорящий по-русски, всякий иностранец с запада, европеец (азиатцы бусурмане); в частности же, германец. <...> Немецкое платье, общеевропейское, мужское и женское, в противополож. русскому.

Названия лиц или обрядов, являющиеся одновременно характеристикой их конфессиональной принадлежности, в словаре В.И. Даля отражают сложные национально-религиозные отношения в России XIX в. Это, в частности, реестровые слова с обозначением разных раскольнических течений: **антихрист** в народе антий; собств. злой дух, ратующий против истины и добра <...> Антиев хлеб, раскольник, картофель. Прививная оспа – антиева печать, раскольник. Гражданская грамота от антихриста, раскольник. Клеймо на мере и весах – печать антихристовая, раскольник. Печать на паспортах – клеймо антихриста, раскольник. Перепись народная от антихриста, для взимания дани с живых и с мертвых, раскольник. У антихриста дышловая колесница, почему об одной оглобле ездить грех, раскольник; **артамоновщина** ж. или новожены, раскольничий толк беспоповщины, принимающий брак по благословению родителей или стариков, с особыми обрядами <...>.

Разногласия между господствующей православной традицией и раскольническим движением объясняют тот факт, что некоторые реестровые слова с семой 'раскольничество' семантизируются с явной негативной коннотацией: **беспоповщина** ж. множество толков раскольничьих, не признающих вовсе нынешнего священства, утверждая, что со времени исправления церковных книг настало царство антихриста; это же изуверное убеждение прилагают они и к гражданской власти и порядку; это поморцы, спасовщина, нетовщина и пр. <...>; **немоляха** об. кто не молится, идет на работу или за стол без молитвы. | Немоляхи мн. раскольничий толк, вернее ересь, не признающая ни икон, ни иной внешности и обрядливости, ни священства, ни самой церкви, но принимающая Святое Писание; это охохонцы (воздыхатели), иконоборцы, оправдывающиеся речением: Церковь не в бревнах, а в ребрах. Они, сверх сего, закоснелые враги всякого правительства, повивуются только страха ради иудейского, но трезвы, работающи и зажиточны.

В словаре В.И. Даля многие привычные названия лиц по национально-конфессиональному признаку в народной интерпретации не только обозначают национальность, но и стереотипные черты характера, приписываемые конкретной народности либо отдельному человеку: **жид**, жидовин, жидюк, жидюга м., жидова или жидовщина ж., жидовье ср. собир. – скупой, скряга, корыстный скупец <...>; **мусье** м. несклон. франц. мусьяк, мусьяк, бранное господин, франт, выскочка; | гувернер, воспитатель; **фармасон** <фармазон>, franc-масон, бранное вольнодумец и безбожник.

Что касается этнического дискурса применительно к Беларуси, то следует напомнить, что после разделов Речи Посполитой белорусские земли, вместе с польскими и украинскими, оказались в Российской империи. Так русские и белорусы были искусственно объединены в одном государстве, и белорусские земли автоматически подпали под пропагандированное изучение славянства. Хотелось бы, однако, отметить некоторую односторонность и неполноту изучения белорусских земель российскими учёными. Даже работа в т.н. «западнорусском крае» экспедиции 1860-х гг. Географического Общества, которая должна была описать «племенные и бытовые различия народностей западного края, их численные отношения, распределение по вероисповеданиям и степеням культуры, наконец, хозяйственный быт и степень материального благосостояния» [8, с. 213], также не способствовала окончательному утверждению самостоятельности белорусского языка и вообще белорусской культуры: «Деятели 1860-х годов в западном крае так много говорили об «объединении, «обрусении» и т.п., так усердно настаивали на удалении всего местного, напоминавшего «польское» влияние, так усердно считали польским всё, что не было похоже на московское, что местная жизнь стала прятаться в скорлупу, и учёным исследователям (особенно прежде чуждым краю) с трудом приходилось бы отыскивать её проявления, вместо того, чтобы видеть её тотчас воочию без канцелярских ширм» [8, с. 215]. Более того, отношение официальной России к населению белорусских земель было проникнуто уверенностью в их индифферентности и неразвитости. По словам виленского генерал-губернатора В.И. Назимова, «...если русское [т.е. преимущественно белорусское] население в Западных губерниях нельзя ещё назвать отжившим свой век, то не ошибёмся, когда скажем, что в нём жизненная сила ещё не пробудилась, скажем более – чувства народной самобытности находятся в таком безотрадном летаргическом усыплении, что вслед за наступающим пробуждением он [народ] с равною готовностью последует как за русско-православною, так и за польско-католическою пропагандою» [цит. по: 9, с. 139].

В указанном аспекте может быть рассмотрен «Словарь белорусского наречия» И.И. Носовича (1870 г., 30 тыс. слов). Важным является не только лексический материал этого источника, но и хронология его выхода. В частности, как в первой, так и во второй половине XIX в. во взглядах на белорусский язык не было единства: некоторые исследователи (Б. Линде, М. Максимович) считали его самостоятельным славянским языком, другие (И. Срезневский, А. Соболевский) рассматривали его в качестве диалекта либо русского, либо польского языков. Несмотря на это, проведённое этнографическое исследование Беларуси выявило богатое древнее письменное наследие белорусского народа, которое нуждалось в анализе и лексикографической систематизации.

Словарь И.И. Носовича, запланированный Императорской Академией наук в качестве второй части «Опыта словаря областных наречий», был издан в Санкт-Петербурге в 1870 г. как самостоятельный труд. И. Носовичу было поручено составить словарь, который систематизировал бы лексику живого народного говора и был бы одновременно источником для лингвистических исследований белорусского языка и пособием при чтении древних памятников письменности «въ виду осознанной необходимости иметь подъ руками словарь этого наречія [белорусского языка – И.С.], между прочимъ и для пониманія важныхъ и любопытных историческихъ актовъ, на немъ писанныхъ» [10, вступительное слово К. Веселовского]. Основными источниками для словаря были собственные записи И.И. Носовича, а также материалы из им же ранее составленного «Алфавитного указателя старинных белорусских слов». Кроме того, многие слова были из старобелорусских письменных источников и немногочисленных на то время фольклорных и этнографических изданий. Однако в результате работы над лексикой одного из т. н. «наречій» И.И. Носович достиг значительно большей цели: собранный словесный материал зафиксировал не просто «наречіе», а самостоятельный язык, способный продуцировать единицы, пригодные для разных коммуникативных задач.

«Словарь белорусского наречия» положил начало нормализации (кодификации) словарного состава белорусского литературного языка и является первым белорусским

национальным словарём. Это было самое полное на то время собрание лексики и фразеологии живого белорусского языка, которое охватило более 30 тысяч слов белорусской речи XIX в. В своём словаре И. Носович в качестве реестровых единиц и компонентов иллюстрационного материала поместил слова и словосочетания – выразители мифологических взглядов и этнографической характеристики белорусского народа. Отличие белорусского языка подчёркивалась не только историческим и краеведческим комментарием, который придавал словарю определённую историко-культурную ценность, но и собственно лингвистическим анализом многих реестровых единиц, согласно которому лексемы либо проявились отличными в сравнении с другими языками, либо приобрели белорусскую фонетическую или грамматическую специфику при заимствовании.

Однако Словарь зафиксировал и такую непривычную в то время для носителя белорусского наречия категорию, как национальное самосознание. Правда, следует заметить, что эта категория не выражается эксплицитно, а выявляется через фиксацию инонациональных этнонимических названий: *ляхъ* – поляк; *литвинъ* – литовецъ; *жидъ* – еврей; *хохлачъ* – малороссiянинъ.

Некоторые этнонимы в словаре И. Носовича содержат в себе указания как национальную, так и на конфессиональную принадлежность их носителей: *басурманецъ, басурманинь* – 1) *Не исповедающий христiанской веры, Турокъ.* 2) *Употребляющий скоромную пищу въ постные дни.* Поскольку словарь И.И. Носовича отражал господство православной религии (общепринятое и поддерживаемое на высочайшем уровне в то время), очевидно, что верующие нехристианских конфессий не пользовались должным уважением, как видно из иллюстраций к словарным статьям: *басурманка* 1) *Магометанка или Татарка.* 2) *Нарушительница поста и не имеющая уваженiя къ какой либо святыне.*

В этом плане неоднозначными являются в Словаре наименования евреев: некоторые из них имеют отрицательные коннотации (*иродъ* – 1) *Врагъ, безбожный человекъ.* 2) *Скупецъ, скряга.* 3) *Неверный, Еврей;* *юда* – 1) *имя от крещенiя Iуда.* 2) *Еврей, жидъ*), а некоторые – положительные: *законъ* – 1) *Еврейская вера.* 2) *Еврей, говорится съ некоторым уваженiемъ;* *старозаконникъ* – *Еврей, говорится изъ вежливости.* Очевидно, длительное совместное проживание белорусов с представителями иных национальностей помогло им преодолеть конфессиональную ограниченность и, наоборот, выработать межэтническую толерантность.

Не все предложенные И. Носовичем лексемы, совпадающие с современными литературными названиями национальностей, являются этнонимами. Например, слово *мордва* имеет значение '1) *Шумное сборище, особенно Евреевъ.* 2) *Безпокойные люди.* 3) *Шалуны и крикуны ребятишки.* 4) *Назойливый*'. Слово *Украина* обозначает не современное название Малороссии, а 'страна, лежащая на пределахъ, при границе или за пределами отечества или области'. Слово *Москва* вообще является полисемичным, и его лексико-семантические варианты имеют следующие значения, обобщённые семой 'принадлежность к русской нации': 1) *Русскiй солдатъ.* 2) *Русскiй плотникъ и множ. плотники.* 3) *Русскiй, разъезжающий по торговымъ или другимъ промысламъ.* 4) *въ женск. роде собир. Солдаты.* 5) *Москвитянинъ, Великороссiянинъ.*

Относительно же самоназвания *Беларусь*, то в Словаре зафиксирована только одна (!) реестровая единица – *беленькая Русь*, – проиллюстрированная примером из народной песни: *беленькая Русь* – *Белорусь, употр. только изредка въ песняхъ. Налецели гуси // Да съ беленькой Руси, // Сели пали на кринице, // Стали ены воду пици.* Да ещё можно добавить упоминание о кривичах в реестровом слове *кроў*, приведённом в приложении к Словарю: *кровъ* – 1) *Кровъ (это слово въ Белорусскомъ наречiи въ родит., дат. и предл. надеждахъ ед. ч. имеетъ криви. <...> Древнее названiе Славянскаго племени Кривичи, по Польски Krewiczy, по Немецки отъ Польскаго же Krewings, можетъ быть произведено отъ криви, и въ такомъ случае можетъ значить: кровные, единокровные, соплеменные).* 2) *Племя, корень племени.* К сожалению, среди всего разнообразия названий племён и народностей Российской империи белорусы с трудом определяли себя как нацию, как самобытное славянское племя с

неповторимым историческим путём и уникальной культурой. И тем более значительным представляется труд И.И. Носовича, который можно назвать настоящим научным и гражданским подвигом.

В аспекте исследования фольклорной «составляющей» вышеназванных словарей стоит, однако, указать на различия между ними. Для В.И. Даля «живой» язык – это система простонародных, географически децентрированных языковых средств, которая является носителем национального духа. Словарь же И.И. Носовича был начат как «Опыт словаря *областных* наречий» (курсив наш – И.С.), но в процессе составления превратился в «Словарь *белорусского* наречия». И.И. Носович, поместив названия мифологических и этнографических реалий в словарь, который издавался как строго научный труд, таким образом «узаконил» фольклорную и духовную аутентичность белорусов среди народностей Российской империи.

Объединяет же словари В.И. Даля и И.И. Носовича не только фольклорная основа реестра, но и общее стремление показать этническую самобытность нации. Общее между словарями и то, что заинтересованность их создателей национальной культурой, связанная вначале с романтическими тенденциями, углубляется вместе с развитием этнографии, диалектологии и других пограничных наук, что и вызвало этнолингвистическое содержание работ. В обоих словарях стремление их составителей выделить свой язык из числа других языков и одновременно включить их в общеславянский контекст было вызвано общей просветительно-романтической волной изучения духовного наследия народа и исторической тенденцией к консолидации нации: для русского народа и российской лексикографии это вопросы нормализации и путей развития русского литературного языка. для белорусского – напевшая необходимость выделиться из границ «западноруссизма».

Литература

1. Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 400 с.
2. Эпоха Просвещения в Белоруссии. Методические указания для самостоятельной подготовки студентов по истории культуры Беларуси. – Могилёв: УО МГТУ, 2003. – 42 с.
3. Перлов А.М. История науки: введение в методологию гуманитарного знания. – М.: РГГУ, 2007. – 308 с.
4. Отечественные лексикографы XVIII – XIX вв. / Рос. акад. наук, Институт рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М.: Наука, 2000. – 508 с.
5. Плотникова А.А. Словари и народная культура: Очерки славянской лексикографии. – М.: Изд-во Института славяноведения РАН, 2000. – 208 с.
6. Германова Н.Н. Кодификация языковых норм: национально-культурные особенности (постановка проблемы) // Ежегодные международные чтения памяти кн. Н.С. Трубецкого – 2000 (17-18 апреля 2000 г.) / Под ред. В.Н. Базылева и В.П. Нерознака. – М.: МГЛУ, 2000. – С. 25-26.
7. Николенко Л.В., Николина Н.А. Концепция языка в работах В.И. Даля / В.И. Даль и Общество любителей российской словесности: Сборник. – СПб.: «Златоуст», 2002. – С. 312 с.
8. Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 4.: Белоруссия и Сибирь. – Минск: БелЭн, 2005. – 256 с.
9. Долбилов М. Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. – М.: ОГИ, 2005. – С. 127-174.
10. Насовіч І.І. Слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Бел. сав. энцыкл., 1983. – 792 с.

И.И. Савицкая
«Лексикографические труды В.И. Даля и И.И. Носовича как отражение эпохи»

В.И. Даль и И.И. Носович при помощи словарей стремились выделить свой язык из числа других языков и одновременно включить его в общий славянский контекст. Это стремление было вызвано общими тенденциями и отражало культурно-исторические и социальные требования времени.

Ключевые слова: национальная лексикография, славянский романтизм, этническое сознание.

I.I. Savitskaya
«V.I. Dal and I.I. Nosovich's lexicographic works as epoch reflexion»

V.I. Dal and I.I. Nosovich by means of the dictionaries aspired to allocate the language from among other languages and simultaneously to include them in the general slavic context. This aspiration has been caused by the general tendencies and reflected cultural-historical and social requirements of time.

Key words: national lexicography, slavic romanticism, ethnoconsciousness.

В.И. Даль в мировой культуре: сб. науч. работ.
– Часть шестая. – Луганск – Москва:
Изд-во ГУ “ЛНУ имени Тараса Шевченко”,
2012. – 245 с. – С. 63-76.